

бесконечности как о незавершенном и по-видимому не имеющем телоса процессе, но не говорит прямо о свойстве быть бесконечно делимым). Для Аристотеля говорить относительно бездвижного мира (без изменения и, следовательно, без возможности счета) о счетности как о свойстве – бессмысленно. Следовательно, нет актуального множества бесконечных частей вне процесса деления (который никогда не приводит к бесконечному числу частей и сам бесконечен только в смысле возможности продолжать деление до бесконечности). В философии математики XX века в споре различных программ обоснования математики (логицизм, формализм, интуиционизм) проблема бесконечности в очередной раз вышла на первый план.

На примере философии математики Л. Витгенштейна видна принципиальная важность древнего спора об актуальной и/или потенциальной бесконечности (собственно предмет нашего доклада и сравнительного исследования).

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИДЕИ АРИСТОТЕЛЯ

СКРИПНИК К.Д.

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЮЖНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (РОСТОВ-НА-ДОНУ)

Важнейшим пунктом семиотических рассматриваний Аристотеля стало рассмотрение семиотических проблем отдельно от теории языка: проблемы невербального знака, собственно σημεῖα, σημεῖον, или τεκμήριον, отделены от знака лингвистического, который именуется им σύμβολον. Данное различие выходит на первый план в «Об истолковании», где выстраивается определенная иерархия знаков: письменные знаки есть символы устных звуков, устные звуки являются знаками и символами ментальных впечатлений, являющихся представлениями в душе. Различия между τεκμήριον и σημεῖον, имеются и проявляются как в «Аналитиках», так и в анализе риторических силлогизмов в «Риторике»: это различие лишь в плане выражения, но не в плане содержания. Ментальные впечатления одинаковы для всех людей – в этом находит выражение предлагаемое и принимаемое Аристотелем определение знака. С современной точки зрения в подобном определении имплицитно содержатся истоки как теории референции, так и теории значения, которые будут «разведены» уже стоиками. Для Аристотеля различия в знаках есть различие лишь в плане выражения, но не в плане содержания. Теория знаков занимает у Аристотеля промежуточное место между логикой и риторикой, он обращается к ней и в «Аналитиках», и в «Риторике» в процессе анализа роли знаков и приобретении знания. В «Первой Аналитике» предлагается несколько иное определение знака с акцентом на его инструментальную роль. В предлагаемом докладе проводится сравнение различных определений знака, предлагаемых Аристотелем, демонстрируется их роль в силлогизмах, построенных по различным фигурам, и в риторических силлогизмах – энтимемах.

Демонстрируется влияние аристотелевских рассмотрений на последующее развитие семиотических идей в стоической и эпикурейской философских школах, в частности, на их исследования «вывода из знаков» или «вывода на основании знаков». Указывается и более отдаленное влияние, примером которого является известный «*ordo orandi*» Боэция.

ПОЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ КАК ИСТОЧНИК ГЕРМЕНЕВТИКИ РАССКАЗА П. РИКЁРА

СОКОЛОВА Л.Ю.

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ)

В герменевтике рассказа П. Рикёр использует многие понятия аристотелевской поэтики, особенно сказания (*muthos*) как «склада событий», соединяющего действие, и совершаемого в трагедии подражания (*mimesis*) действию. Французский философ формулирует гипотезу о связи между нарративом и экзистенциальным временем, согласно которой «время, в некотором роде, это референт рассказа, а функция рассказа состоит в придании времени формы человеческого опыта»¹². Аристотелевское понимание интриги как «склада событий», утверждает Рикёр, имеет универсальное значение и применимо к любому рассказу, в том числе к современным романам «без конца» (Д. Джойс), где также есть единство событий. Благодаря интриге рассказ получает интеллигибельный характер, однако Аристотель связывал последний не с хронологией («после чего-либо»), а со следованием событий по логике «необходимости или вероятности», («вследствие чего-либо»)¹³. Поэтому его понимание интриги, заключенное в рамки греческого представления о рациональности как логическом выводе из очевидных посылок, Рикёр трансформирует, связывая рассказ со временем как *distentio animi*, когда душа, согласно Августину, объемлет тройное настоящее. Тем самым рассказ получает основание не в аристотелевской логике следования событий, противопоставленной хронологии рассказа, но во времени, а «рассказанное» время приобретает смысл, становится понятным, соединяя изменяющиеся события жизни. Этот ход мысли обнаруживает связь философии Рикёра с немецким историзмом (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер).

Также в аристотелевском учении о подражании Рикёр видит опору для своего реалистического тезиса о референциальности дискурса, связи рассказа и мира. Так, в акте чтения происходит «преображение» мира, достигается внелингвистическая

¹² Ricœur P. *Réflexion faite. Autobiographie intellectuelle*. Paris: Esprit, 1995., p. 63

¹³ Аристотель. Поэтика. 1452 а 19-21